

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
Факультет гуманитарных наук
Школа философии

Этика войны и мира

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2016

УДК 172.4
ББК 87.7
Э 901

*Печатается по решению Ученого совета
факультета гуманитарных наук
«Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)*

*Монография подготовлена в ходе проведения исследования
(№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)» в 2015 г. и с использованием средств субсидии
на государственную поддержку ведущих университетов
Российской Федерации в целях повышения
их конкурентоспособности среди ведущих мировых
научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ*

Э 901 Этика войны и мира: история и перспективы исследования
/ под общ. ред. Б. Н. Кашникова, А. Д. Куманькова. — СПб.:
Алетейя, 2016. — 200 с.

ISBN 978-5-906823-95-3

Коллективная монография посвящена одной из фундаментальных проблем этики – определению возможности нравственного ограничения войны. В XXI веке, ввиду диверсификации политического пространства, развития различных видов глобализации и интеграции, а также усиления значения ассиметричных сил, требуется провести ревизию философских традиций войны и подвергнуть критическому анализу сам концепт войны. В то же время решение поставленной задачи невозможно без обращения к истории идей и понятий. Настоящее исследование особое внимание уделяет темам справедливости войны, ее дискурсивному конструированию, вопросам формирования образа врага и вражды. Монография адресована широкому кругу читателей – философам, историкам, специалистам по международным отношениям и международному праву, всем, кто интересуется проблемами философии войны, этики и политической теории.

ISBN 978-5-906823-95-3

9

7859061823953

УДК 172.4
ББК 87.7

© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

Куманьков А.Д.

Принцип правого дела и «новые» войны¹

Abstract: *The article deals with the concept of just cause as it is interpreted in just war theory. The author examines the genealogy of just causes in the Christian and modern just war theory. Ideas of Augustine, Aquinas, Vitoria and Grotius are compared in order to demonstrate what was understood as a valid foundation of the use of force in different periods. Then the author determines just causes in accordance with the thoughts of contemporary just war authors. The article ends with the criticism of the moral arguments for the new just causes proposed by just war theorists of our days.*

Ключевые слова: *теория справедливой войны, война, принцип правого дела, Уолцер, Оренд, гуманитарная интервенция.*

Keywords: *just war theory, war, just cause principle, Walzer, Orend, humanitarian intervention.*

К наиболее важным тенденциям трансформации войны в XXI в. следует отнести повышение значимости статуса повстанческих и террористических групп, активное включение в вооружённые конфликты экономических

¹Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 15-05-0069) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2014-2015 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

структур, распространение феноменов приватизации войны, а также появление новых пространств борьбы — открытие для войны Интернет-среды. Решительное вторжение негосударственных субъектов политики в область военного конфликта, долгое время остававшуюся сферой гегемонии государства, привело к возникновению феномена так называемых новых войн.

Подобное положение дел бросает множество вызов современным политико-этическим концепциям войны, теоретический аппарат которых должен быть обновлён для адекватной работы с конфликтами нового типа. Следует внести преобразования, если не в само ядро теорий, то в их методологический аппарат и инструментарий. Принцип правого дела — наиболее важный критерий нравственной оценки войны — также требует переосмысления в условиях трансформации войны. Под принципом правого дела понимается условие, обеспечивающее обоснование права на применение военной силы. В соответствии с этим принципом у государства, объявляющего войну другому государству, должна быть действительно веская причина для принятия подобного решения. Этот принцип, сформулированный теоретиками справедливой войны, в том или ином виде присутствует и в других нравственных концепциях войны. Традиционная его интерпретация предполагала столкновение двух или более равных по своему статусу противников, а допустимой объявлялась в первую очередь оборонительная война или война как форма наказания за нарушение права. Подобные поводы к войне большинством теоретиков признаются в качестве однозначно справедливых. Но вопрос о возможности применения этого принципа для обоснования участия в конфликтах нового типа требует более тщательного обсуждения. В каких случаях государство может с помощью военной силы отвечать на угрозу со стороны негосударственных субъектов политики? Может ли вообще война быть адекватной мерой в случае столкновения с подобным противником? Допустимо ли военными методами бороться с гуманитарными катастрофами? Эти про-

блемы остаются наиболее актуальными в современной этике войны

В этой статье, сконцентрировавшись на теории справедливой войны, мы хотели бы рассмотреть различные варианты определения принципа правого дела и выявить особенности его применения в отношении конфликтов нового типа. Кроме того, в завершении статьи мы рассмотрим предложенный теоретиками справедливой войны вариант нравственного оправдания новых видов наступательной войны, соответствующих, по их мнению, идее правого дела.

Традиция интерпретации принципа правого дела

Принцип правого дела представляет собой один из наиболее универсальных и известных принципов войны. Практически все цивилизации, народы и культуры, объявляя войну злом, предполагали, что начинать её можно только при наличии надёжного морального обоснования, веской причины, фактически не оставляющей возможности ненасильственного разрешения конфликта. Война должна быть поистине правым делом, чтобы считаться адекватной политической мерой. В латинском языке понятие правого дела передаётся посредством словосочетания *causa justa*, буквально — «справедливая причина», в английском — языке современной теории справедливой войны — это понятие обозначается как *just cause*.

В данной работе мы сконцентрируемся на интерпретации понятия правого дела в традиции учения о справедливой войне, где этот принцип считается ключевым, хотя и не единственным, принципом *jus ad bellum* — системы норм, определяющих право на ведение войны и оценивающих возможность применения силы в данной ситуации. Однако сам этот принцип нельзя считать теоретическим концептом, относящимся исключительно к проблемному полю теории справедливой войны. Идею необходимости наличия обоснованной причины войны разделяют сторонники и других этических концепций войны — реализма и милитаризма.

Августин Аврелий, которого нередко называют отцом теории справедливой войны, столкнулся с необходимостью найти в христианском учении, стоявшем до него по преимуществу на пацифистских позициях, оснований, которые могли бы санкционировать ведение войны. Ставшее государственной религией Римской империи христианство было привлечено в политическую сферу. Соединение римских представлений об этике и праве с христианской доктриной позволило Августину создать достаточно органичную систему. В ней нашлось место и христианину, который получил право брать в руки оружие, и государству, пусть не до конца отвечавшему христианским идеалам, но обладавшему исключительным правом на войну, от которой человечество, по мнению Августина, не может избавиться и которая должна, поэтому, стать частью устройства христианского мира.

Справедливая война представляется Августину делом, вести которое может только мудрый человек:

«Но мудрый, говорят, будет вести войны справедливые, как будто бы он, если только помнит, что он человек, не гораздо более будет скорбеть, что ему необходимо вести справедливые войны; ведь если они не были бы справедливыми, ему не предстояло бы их вести, и в таком случае для мудрого войн не было бы вовсе. Несправедливость противной стороны вынуждает мудрого вести справедливые войны; и эта несправедливость должна вызывать скорбь в душе человека, потому что она несправедливость человеческая, хотя бы из-за нее и не возникало никакой необходимости начинать войну» [1, XIX, 7, с. 333].

Итак, война лежит на человеке тяжким бременем и всегда должна оставаться предметом скорби. Однако неизбежны ситуации, когда мудрому, справедливому человеку приходится браться за оружие. Только мудрый человек, понимаемый Августином вслед за Платоном как тот, кто знает истину, может вести справедливую войну,

коль скоро знание истины не позволило бы ему вступить в несправедливую войну. Законным источником решения о применении военной силы может считаться только государство. Августин вводит тем самым ещё одно положение справедливой войны — принцип легитимной власти. Мудрый и законный правитель принимает решение о войне и не творит при этом греха. Государство, неспособное обосновать свою справедливость, уподобляется Августином разбойничьей шайке [Там же, IV, 4]. Что же может считаться справедливой причиной войны?

Обычно выделяют три случая, когда, согласно учению Августина, можно говорить о наличии действительно благой причины войны. К ним относятся наказание грешников, самооборона или защита невинных и возвращение захваченной собственности. Наиболее важная и обоснованная, по мнению Августина, причина применения силы — это наказание. Предполагается, что противник несёт вину (*culpa*) за какой-то проступок, преступление или грех. Как замечает Августин в сочинении «Против Фауста»: «истинный грех на войне — это любовь к насилию, мстительная жестокость, необузданная и непримиримая враждебность, иступлённое сопротивление, жажда власти и тому подобное; обычно сила применяется для наказания подобных пороков...» [8, XXII.74].

Политические или экономические причины, всё то, что можно определить более поздним понятием *raison d'etat*, не рассматриваются Августином как приемлемые основания для использования военной силы. Однако Августин замечает в «О граде Божием»: «вести войны и путем покорения народов расширять государство представляется делом хорошим для людей дурных, но для добрых — это только дело необходимости. Может это быть названо и делом хорошим, но только потому, что было бы хуже, если бы люди более несправедливые господствовали над более справедливыми» [1, IV, 15, с. 164.]. Иными словами, четвёртой справедливой причиной войны можно назвать стремление восстановить справедливый порядок,

когда доминирующее положение занимают мудрые и благородные люди.

Фома Аквинский продолжил работу по созданию христианской концепции справедливой войны, в частности этой проблеме посвящён сороковой вопрос седьмого тома «Суммы теологии». С точки зрения Аквината, война представляет собой исключительно публичное дело, ответственным за которое может быть только власть, заботящаяся об общественном благе. Отсюда следует, что война может быть справедливой только как средство обеспечения общего блага. Право применять силу для обеспечения и защиты общего блага от внешних врагов уподобляется Фомой праву правителя защищать силой порядок внутри государства.

Объявление войны рассматривается Фомой, также как и Августин, в качестве меры наказания за совершение какого-то преступления: «необходимо... чтобы атакованные были атакованы потому, что заслужили это некоторым своим проступком» [7, VII, 40, с. 498]. Война — это возмездие или кара за несправедливость и причинённое зло, а также возможность вернуть собственность, несправедливо захваченную противником. Важной составляющей концепции справедливой войны как Августина, так и Фомы следует признать приверженность принципу добрых намерений. Обоснованной причины самой по себе недостаточно для того, чтобы объявить войну справедливой. Её цель должна состоять в стремлении предотвратить ещё большее зло или восстановить добро. Иначе «случается так, что война объявляется законной властью и по справедливой причине, но, тем не менее, является несправедливой в силу злого намерения» [Там же, с. 499]. При этом конечной целью войны, по мнению Фомы, всегда остаётся мир, который Господь «пришел принести на землю» (Мф. 10:34).

Рассуждая над вопросом о возможности участия священнослужителей в войне, Фома предлагает ещё несколько справедливых причин начала войны. Он оговаривается, что если «человек погибнет, защищая истинную веру, свою страну или христиан, то Бог дарует ему награ-

ду на небесах» [Там же, с. 501]. Таким образом, защита веры или единоверцев, равно как и самооборона, могут рассматриваться в качестве легитимных *casus belli*.

Ещё один католический автор — Франсиско де Витория — столкнулся в XVI в. с проблемой оправдания испанских экспансий и, как показывает Ю.В. Иванова [4], вынужден был искать аргументы в пользу обоснования войны на стыке богословия и юридической науки. Однако оригинальность мысли Витория состоит в том, что он отвергает традиционные для его времени представления о распространении веры или расширении империи как справедливых причинах войны. В результате саламанкский мыслитель создаёт весьма оригинальную концепцию войны, сочетающую в себе, с одной стороны, положения, декларирующие равенство всех народов, населяющих Землю, в естественном праве, с другой стороны, санкционирующую агрессивные и превентивные войны.

Формально, единственной справедливой причиной войны Витория называет стремление ответить на совершённое злодеяние. При этом для подкрепления своей позиции Витория ссылается на Августина и Фому Аквинского. Необходимо принять во внимание, что незначительная обида не может быть веской причиной войны, поскольку последствия войны всегда тяжки [15, 13.14]. Витория вводит, таким образом, ещё один важный принцип теории справедливой войны — идею пропорциональности применения вооружённой силы.

Восстановление справедливости и защита общественного блага — обязанность, которая возлагается на государство (в то время как оборонительную войну может вести и частное лицо) — предполагает возможность не только оборонительных, но и наступательных, агрессивных войн. Кроме того, любопытно отметить, что справедливая война, согласно Витория, могла вестись против индейцев или других народов, если те препятствуют коммерческой деятельности или распространению христианства, свобода которых обеспечивается естественным правом всех народов.

Аргументация Витория почти столетие спустя была воспринята Гуго Гроцием, задача которого состояла в создании исключительно политической, а не религиозной теории справедливости в войне между государствами. Все возможные причины войны нидерландский мыслитель делит на те, что связаны с соображениями пользы, и те, что связаны с соображениями справедливости. Гроций также предполагает, что «справедливой причиной начала войны может быть не что иное, как правонарушение» [3, с. 186].

В свою очередь, правонарушения бывают разных типов, что заставляет Гроция выделить три справедливые причины войны: самозащиту, возвращение имущества, наказание [Там же, с. 187]. Учение Гроция о справедливой причине примечательно тем, что он закрепляет в традиции идею обоснованности самообороны. Как мы видим, этот принцип, воспринимаемый сейчас буквально как естественное право государств, не был столь важен для Учителей церкви, которым более принципиальной казалась идея войны как воздаяния за прегрешение. В секуляризированной концепции Гроция безопасность государства становится высшей ценностью, и именно оборонительная война в большей степени соответствует для него принципу правого дела.

Гроций высказывается против превентивной войны или, как он это называет, «обращение к насилию во избежание лишь возможного насилия» [Там же, с. 196]. Атака, вызванная подозрением или ожиданием нападения, непропорциональна, а потому её невозможно признать справедливой. Превентивное нападение может быть целесообразным и благоразумным, если имеются другие, именно справедливые причины войны. Впрочем, в другом месте Гроций пишет, что «первая причина справедливой войны есть еще не нанесенная, но угрожающая людям, их телу или их имуществу обида» [Там же, с. 188]. Эта оговорка позволила Р.Г. Апресяну отметить, что «Гроций одним из первых в истории мысли поставил вопрос об оправданности использования силы для предотвращения ущерба» [2, с. 152].

Сложный случай представляет собой ситуация, когда война была вызвана обидой, нанесённой одним государством другому, но пострадавшая сторона, пытаясь получить воздаяние за нанесённую обиду, начала действовать с чрезмерной жестокостью, истребляя население противника. С одной стороны, у пострадавшей стороны есть справедливые основания для применения силы, которая используется для наказания обидчика. Но Гроций указывает на то, что, как правило, обиду другому государству может нанести правитель, а подданные оказываются неповинными. В таком случае, правитель, против которого ведётся справедливая война, вызванная нанесённой обидой, сохраняет право в ответ на чрезмерное насилие защищать своих подданных.

К названным выше трём причинам, которые кажутся Гроцию достаточно вескими, чтобы служить источником легитимации применения силы, стоит добавить ещё одну. Благородной и справедливой Гроций считает также войну, которая ведётся в качестве помощи союзникам, дружественным народам или вообще любым людям, попавшим в беду. Обоснованным это положение кажется Гроцию в силу того, что «по природе каждый призван осуществлять не только свое, но и чужое право» [3, с. 558].

Мы остановились на Августине, Фоме Аквинском, Витория и Гроции как на наиболее примечательных авторах, стоявших у истоков современной теории справедливой войны. Во многом именно эти мыслители повлияли на формирование не только принципов самой концепции *bellum justum*, но и на создание норм, заимствованных из этой теории и включённых в систему международного права. Однако стоит отметить, что со временем теория справедливой войны значительно изменилась, освободилась от религиозной аргументации и, сохранив определённые черты, приданные ей классическими авторами, предстала в XX в. в совершенно новой форме. Отчасти эти трансформации связаны с изменением господствующего типа конфликтов. И наша дальнейшая задача состоит в том, чтобы установить, какие формулировки принципа

правого дела предлагаются современными сторонниками теории справедливой войны.

Принцип правого дела и современная теория справедливой войны

В последние десятилетия тема трансформации войны стала одной из наиболее популярных тем политической теории. Мы не будем останавливаться на этой проблеме, к тому же ей посвящено отдельное наше исследование, однако стоит отметить, что доминирующим типом современного военного конфликта больше не является межгосударственная или традиционная война. Асимметричные столкновения, гражданские и опосредованные войны — вот что можно отнести к наиболее распространённым видам конфликтов нашего времени.

Появление новых форм войны заставило теоретиков обратиться к определению новых справедливых причин, санкционирующих применение вооружённой силы. Наиболее ёмкий перечень поводов к войне, которые современные теоретики справедливой войны согласны считать соответствующими требованиям принципа правого дела, можно обнаружить в работе «Мораль войны» Брайана Орендана — канадского философа из Университета Уотерлу. По мнению Орендана, помимо самообороны или помощи союзнику существуют, по крайней мере, ещё четыре случая, когда применение вооружённой силы может считаться допустимым. К ним он относит борьбу с терроризмом, опережающую (или упреждающую) атаку, вмешательство в гражданскую войну и гуманитарную интервенцию. С этим списком в той или иной мере согласна большая часть современных сторонников теории справедливой войны. Рассмотрим подробнее каждый из четырёх случаев, предложенных Оренданом.

Террористическая атака или её угроза представляется Орендану очевидным случаем, когда государство имеет право нанести ответный или даже превентивный удар. Основная цель террористического акта состоит не в уничтожении людей — хотя и этот показатель считается важ-

ным для террористов — а в распространении панических настроений и страха. Важное и необходимое условие успешности террористической деятельности состоит в освещении террористических актов в средствах массовой информации — новость об атаке должна стать предметом всеобщего обсуждения. По мнению Оренд, невозможно говорить об оправданности террористической деятельности, поскольку в подавляющем большинстве случаев удары террористов направлены против гражданского населения, а не против представителей армии или других силовых структур государства. Сходную точку зрения отстаивает и М. Уолцер, который называет общим местом террористической деятельности целенаправленное насилие по отношению к мирному населению [16, р. 203]. Тем самым террористы нарушают принцип различения, предполагающий недопустимость нападения на некомбатантов. Террористическая деятельность всегда оказывается неприемлемой, а потому ответ на неё кажется Оренду веской причиной для начала вооружённой борьбы. В то же время государству не следует ждать атаки, чтобы начать действовать. Легитимируются не только оборонительные действия, но и активные наступательные, в том числе и превентивные. Любая террористическая организация может и должна быть уничтожена на основании одного только факта, что она занимается или планируется заняться террористической деятельностью. Кроме того, Оренд считает необходимым бороться не только с исполнителями террористических актов, но и с теми организациями и государствами, которые спонсируют их проведение [12, pp. 73-74]. Терроризм представляется Оренду социально-экономическим явлением, поэтому победу в борьбе с ним невозможно достичь без уничтожения его материально-экономической базы.

Обоснованность упреждающего удара (*preemptive strike*) или опережающей атаки (*anticipatory attack*) выводится теоретиками справедливой войны из идеи справедливости самообороны. Как замечает Оренд, можно говорить о дескриптивном и нормативном обосновании само-

обороны. Дескриптивное обоснование связывается с фактом непосредственного нападения на ваше государство, что служит достаточной причиной для проведения ответной атаки. Нормативное же предполагает обоснованность нанесения удара по противнику с целью отражения потенциальной агрессии. Подобный аргумент может использоваться только в определённых обстоятельствах, когда имеются неопровержимые доказательства приготовления противника к нападению. Упреждающий удар становится допустимым, если степень угрозы, исходящая от государства-противника, делает возможность войны неизбежной. Но именно действительная угроза, а не страх, позволяет говорить об оправданности войны. Агрессором в данном случае оказывается не сторона, первой применившая силу, а та сторона, которая готовила нападение. Оренд вслед за Уолцером апеллирует к явно консеквенциалистскому аргументу: риски, которые вызывает бездействие, надо стремиться минимизировать. На государстве лежит обязанность защищать права своих граждан, а упущенная возможность предотвратить серьёзные людские и экономические потери, вызванные нападением агрессора, будет означать неготовность правительства обеспечить эту защиту. Государство может, таким образом, нанести опережающую атаку, но только в том случае, если речь идёт о защите прав человека.

Если обоснованность борьбы с терроризмом и нанесение упреждающих ударов принимается большинством теоретиков справедливой войны, то вопрос о вмешательстве в гражданскую войну, идущую на территории независимого государства, до сих пор остаётся предметом ожесточённых споров. Ещё в 1859 г. в эссе «Несколько слов о невмешательстве» Дж. Ст. Милль указал на необходимость воздерживаться от участия во внутренней борьбе, поскольку такое участие извне будет служить преградой на пути к построению действительно свободного общества. Народ, получивший свободу из чужих рук, не будет ценить её должным образом. И новое государство, созданное при участии внешних сил, станет либо колонией своего

освободителя, либо ареной постоянных восстаний людей, не согласных с установленным политическим режимом. Интервенция в гражданскую войну возможна только в том случае, если она не будет препятствовать самоопределению [11, pp. 5-6].

Однако не все современные теоретики справедливой войны сходятся во мнении с Миллем. Оренд считает, что гражданскую войну против правительства можно назвать справедливой, если государство утратило способность защищать своих граждан [12, p. 84]. Вмешательство в такую войну на стороне восставшего населения кажется канадскому философу обоснованным и даже необходимым, если существуют неопровержимые доказательства справедливости восстания. Уолцер, ориентируясь на опыт войны во Вьетнаме, предлагает считать достаточной мерой участия балансировку сил или нейтрализацию несправедливой стороны, но не полномасштабное включение в конфликт. Оренду подобный подход кажется непоследовательным, поскольку цель каждой войны состоит в достижении победы, а временная балансировка сил не может быть достаточным основанием победы справедливой стороны. Таким образом, допустимым, с его точки зрения, будет вмешательство в гражданскую войну на стороне одного из её участников, обладающих справедливой причиной ведения вооруженной борьбы. В ситуации, когда справедливость действий обоих участников конфликта вызывает сомнения, лучшим решением будет воздержаться от вступления в войну.

Гуманитарная интервенция представляет собой, пожалуй, наиболее противоречивое основание применения вооружённой силы. Причиной нападения на государство, которое не проявляет внешнюю агрессию, становятся массовые нарушения прав человека, такие как этнические чистки или массовые убийства. Гуманитарная интервенция может быть рассмотрена как один из вариантов упреждающего удара. Хотя, как правило, она начинается в ответ на действительное насилие, упреждается крайняя степень реализации этого насилия. Проблема гуманитарной

интервенции начала обсуждаться особенно активно в 90-е годы прошлого столетия¹ в связи с событиями в Руанде и Югославии, и со временем большая часть теоретиков справедливой войны стала поддерживать идею гуманитарных войн.

Определённую сложность в дискуссии о военном вмешательстве в государство, правительство которого истребляет собственное население, составляет традиционное понятие суверенитета как возможности самостоятельно определять внутреннюю политику. В этой связи Пол Кристофер, бывший глава департамента философии Военной академии США в Вест-Пойнте, отмечает, что «гуманитарная интервенция всегда запрещена по закону, но иногда нравственно допустима» [9, р. 195]. Оренд со ссылкой на Международную комиссию по вопросам вмешательства и государственного суверенитета предлагает интерпретировать суверенитет в первую очередь как обязанность правительства обеспечивать безопасность своих граждан. Если же государство не справляется с этой обязанностью, а население не имеет возможности сопротивляться насилию со стороны правительства, то должны найтись силы, готовые прийти на помощь гражданам такого государства. Как замечает Уолцер, «прежде чем оказать поддержку, нам не стоит дожидаться, пройдут ли они [мирные граждане] своего рода тест на самопомощь. Именно невозможность этой самопомощи и заставляет нас вступать в дело» [16, р. 106].

Нерешённой проблемой остаётся вопрос о том, кто должен брать на себя ответственность проводить гуманитарную интервенцию. Большинство теоретиков, в частности Уолцер и Оренд, полагают, что интервенция должна стать обязанностью отдельных государств или региональ-

¹ Впрочем, нечто похожее на гуманитарную интервенцию было описано ещё Т. Мором: «когда они [утопийцы] жалеют какой-нибудь народ, угнетенный тиранией, — тогда своими силами они освобождают их от ига тирана и от рабства (это они делают из-за человечности)» [5, с. 242].

ных ассоциаций, которым не нужна санкция ООН. Это суждение порождает новые вопросы. Какое именно государство или ассоциация должны выполнять обязательство по предотвращению гуманитарных катастроф? Что должно делать мировое сообщество в ситуации, когда ни одно государство не хочет вступать в конфликт? Не станет ли интервенция для государств, участвующих в ней, в первую очередь средством решения собственных политических или экономических задач?

Отвечая на первый вопрос, британский специалист по международным отношениям Джеймс Пэттисон приходит к выводу, что проводить гуманитарную интервенцию должен субъект, который сделает это с наибольшей эффективностью [13]. Однако сам Пэттисон признаёт это решение «временным», поскольку не всегда самый эффективный интервент будет обладать желанием нести на себе ответственность по защите прав человека во всём мире. Эта проблема связана уже со вторым вопросом. Уолцер пытается ответить на него в ряде своих статей, но нельзя сказать, что он приходит к какому-то удовлетворительному решению. Обычно он весьма неопределённо говорит, что должен найтись кто-то, кто возьмёт на себя ответственность и решит проблему в том или ином регионе земного шара [17]. И лучше, чтобы это делали региональные силы.

Сложности вызывает и третий вопрос. Уолцер полагает, что государство, устраивающее гуманитарную интервенцию, безусловно, попытается сделать её выгодной для себя, но его действия, тем не менее, позволят прекратить насилие в отношении гражданского населения. Государство получает своеобразную моральную санкцию и на защиту прав человека при помощи вооружённой силы и на решение собственных задач в данном регионе. Тем не менее, подобное нравственное обоснование войны представляется весьма спорным. А сама по себе гуманитарная интервенция не всегда может считаться действенным способом прекращения конфликта. Зачастую она только способствует развитию социальных кризисов и приводит к политическим коллапсам.

Отчасти связана с проблемой гуманитарной интервенции идея войны, вызванной необходимостью изменить политический режим государства-противника. Насильственную смену власти можно считать дополнительным, пятым, случаем, когда применение силы будет соответствовать принципу правого дела. По мнению Орендта, задача развитых демократических государств состоит в распространении идеала политического устройства, основной ценностью которого признаётся свобода, равенство, высокий уровень жизни и стабильность. Высокий нравственный статус этих ценностей приводит Орендта к утверждению смены режима в качестве справедливой причины войны [12, р. 197]. Мировое сообщество или отдельные государства должны защитить права человека в регионах, где правительство не справляется с этой задачей. Однако во избежание повторения гуманитарных катастроф интервент должен позаботиться и о политической реконструкции государства, в которое он вторгся. Смена власти будет выступать в этом случае и в качестве причины, и в качестве цели войны.

Смена режима интерпретируется Орендтом как один из элементов кантианской политической философии. Агрессивное государство представляет угрозу миру, поэтому действенным решением в его отношении может считаться нападение на него и изменение политического курса. Таким образом, «силовая смена режима — это здравое решение, сглаживающее две крайности — с одной стороны, завоевание, с другой — дозволение опасным политическим режимам существовать и процветать» [Ibid., р. 203]. Уолцер занимает в этом отношении более умеренную позицию, предполагая, что смена власти может быть следствием, но не причиной войны, если только речь не идёт о столкновении с однозначно преступным режимом. Уолцер предлагает различать ситуации, когда правительство совершает преступления и когда оно по сути своей является преступным. В качестве примеров преступных режимов он называет милитаристские режимы Германии и Японии в связи с их ролью в развязывании Второй ми-

ровой войны. Необходимость сопротивления таким преступным режимам может выступать в качестве *causa justa*. Но борьба с правительством, которое в некоторых случаях использует неприемлемые политические средства, должна вестись средствами, отличными от войны [6].

Стоит отметить, что нередко вступление в войну обуславливается не одной, а сразу несколькими причинами, каждую из которых, согласуясь с логикой теории справедливой войны, можно было бы назвать веской. Кроме того, возможны ситуации, когда государство, вступая в войну по одной причине, получает впоследствии ещё несколько оснований для продолжения борьбы или даже интенсификации участия в конфликте. Так, вступление международной коалиции во главе с США в гражданскую войну в Сирии основывалось на интерпретации войны как средства помощи демократической оппозиции в борьбе с тираническим правительством. В результате развития конфликта, и в особенности ввиду активизации деятельности Исламского государства, война в Сирии получила дополнительные обоснования. Её, безусловно, можно рассматривать в качестве одного из этапов войны против терроризма, а также как превентивную атаку, имеющую своей целью не допустить массовые нарушения прав человека. То есть, эта война США и их союзников оказывается обоснованной, поскольку она опирается одновременно на все четыре новые справедливые причины, предложенные Б. Орендом.

Представленный обновлённый список причин, легитимирующих применение военной силы, поддерживает большая часть современных теоретиков справедливой войны. Однако нередко предлагаются и весьма оригинальные проекты обновления теории справедливой войны. Так, Николас Фоушин, во многом соглашаясь с необходимостью расширения оснований, легитимирующих право на применение силы, считает необходимым внести существенные изменения в сам подход к применению теории справедливой войны к «новым» войнам. По его мнению, имеет смысл говорить не об одной, а двух теори-

ях справедливой войны — регулярной и иррегулярной. Одна из них будет содержать принципы, позволяющие оценить классические, конвенциональные, межгосударственные войны, другая будет работать для оценки конфликтов с участием негосударственных субъектов политики. Зачастую требования принципов классической теории справедливой войны оказываются невыполнимыми для негосударственных субъектов, хотя нередко, по мнению Фоушина, повстанцы или партизаны имеют справедливые основания для ведения борьбы.

Фоушин предлагает изменить принцип правого дела, как для регулярной теории справедливой войны, так и для иррегулярной. Фоушин отмечает, что государства зачастую ориентируются не на одну существенную причину, заставляющую их взяться за оружие, а на целый ряд оснований, каждое из которых в отдельности не могло бы спровоцировать войну. Но взятые в совокупности эти основания дают повод применить силу. Примером может служить кампания 2003 г. против Ирака. Рассмотренные в отдельности тираническая власть Саддама Хусейна, нарушение резолюций ООН, нападения на собственное население, связи с террористами не были справедливой причиной войны. Но все эти факты вместе дали, по мнению Фоушина, законное основание для нападения на Ирак.

Предложение Фоушина сводится к расширению принципа правого дела за счёт добавления в него критерия множественности причин (multiple reasons). При этом важен не конечный список условий, которые в совокупности своей могут дать повод для начала войны, а сама возможность изменять или дополнять этот список [10, р. 75]. Отметим, что идея множественности причин отличается от описанной выше ситуации, когда государство, вступая в войну по одной справедливой причине, осознаёт оправданность своих действий в соответствии с другими причинами. В данном случае государство уже обладало веской причиной для применения силы и могло бы ограничиться одной только этой причиной, но оно получило дополнительное подтверждение правильности сделанного

выбора. В случае же обоснования войны совокупностью причин поводом для войны становится именно множественность причин, каждая из которых не могла санкционировать нанесение вооружённого удара.

Рассуждая о возможных справедливых причинах участия государства в асимметричном конфликте, Фоушин называет необходимым предоставить государству возможность наносить превентивные удары. Фактически здесь он сходится во мнении с Орендом, отметившим оправданность превентивных атак на террористов. В случае конфликта двух государств приготовления к войне одного из них становятся заметны, противник имеет шанс нанести упреждающий удар или мобилизовать свои силы. Но подготовка к нападению повстанцев или террористов проводится «с той степенью секретности, которая недоступна большим группировкам или государствам» [Ibid., p. 117]. Кроме того, асимметричная война в большей степени перманентна. Воюющие государства после подписания мирного соглашения не нападают друг на друга. Но если с мятежниками и может быть заключен мир, то это совершенно невозможно в случае с террористами. Они, таким образом, представляют собой постоянную угрозу и поэтому могут быть атакованы в любой момент.

Фоушин заявляет также, что возможно представить ситуации, когда справедливая причина для ведения вооружённой борьбы появляется и у негосударственных субъектов. Такую причину даёт само государство, проводящее политику геноцида или массовых репрессий. Война населения или его части со своим правительством, вызванная стремлением «предотвратить гуманитарную катастрофу» [Ibid., p. 118], признаётся Фоушином соответствующей идее правого дела. Право на объявление войны получает не только государство, но и иррегулярная сила.

Этическая составляющая принципа правого дела в контексте новых войн

Итак, следующие шесть причин войны признаются современными теоретиками справедливой войны в каче-

стве легитимных оснований для применения силы: оборонительная война; помощь союзнику; борьба с терроризмом; упреждающая атака; помощь участнику гражданской войны; гуманитарная интервенция. С некоторыми оговорками в этот список может быть добавлена и смена агрессивного режима. Справедливость обращения к оружию в этих случаях объясняется несколькими этическими аргументами.

Чаще всего сами теоретики справедливой войны ссылаются на этику здравого смысла и права человека как на основные источники морального обоснования необходимости применения силы в той или иной ситуации. Однако мы можем указать и на явное использование конвенционализма, прагматизма и утилитаризма. Так, в работах современных авторов нередко встречаются следующие схемы аргументации. Государство должно начинать войну в названных выше случаях, поскольку оно призвано защищать права человека, оно обязано обезопасить своих граждан и отстоять их свободу. Но права человека называются базовой ценностью не в силу их априорной ценности, а в связи с тем, что люди получают право на восстание против правительства, которое не способно гарантировать безопасность своих граждан. Этот классический аргумент политической философии Нового времени нередко воспроизводится в современной теории справедливой войны [12, р. 33], где он получает прагматическое прочтение. Правительству полезнее вести войну во имя защиты прав человека, поскольку таким образом укрепляется его власть, а также отстаиваются права человека.

Нередко также говорится, что начало войны следует признать более предпочтительной или выгодной стратегией, нежели бездействие или занятие нейтральной позиции. Именно утилитаризмом объясняется необходимость самообороны — капитуляция без борьбы приведёт к большим потерям, чем потери от сопротивления, к тому же сопротивление оставляет шансы на победу и возможность получить компенсацию за понесённые потери. На утилитаризме строится довод Н. Фоушина в пользу необ-

ходимости проведения гуманитарных интервенций. Отказ остановить насилие и произвол преступного правительства или неподконтрольной правительству группы с помощью силы в будущем будет стоить дороже, чем проведение военной операции [10, р. 10].

Однако прагматизм или утилитаризм не всегда удачно взаимодействуют с теорией справедливой войны. Теория справедливой войны указывает на универсальность прав человека. Права человека понимаются как всеобщая ценность, защищать которую должны все государства, во всяком случае «минимально справедливые», как их называет Оренд. Без этой претензии на действие в универсальном морально-политическом поле логика аргументации теоретиков справедливой войны не могла бы работать. Но прагматизм предполагает известную степень релятивизма, для него важен в том числе и этический плюрализм, который не соотносится с универсалистскими претензиями теории справедливой войны. Подобное смешение прагматистских и универсалистских контекстов противоречиво. Возможно, эту противоречивость удалось бы снять, если бы теоретики справедливой войны смогли бы обосновать универсальность моральных оснований, которые они кладут в основание своей концепции, однако этого не происходит¹. Это в свою очередь делает теорию справедливой войны уязвимой со стороны критиков, указывающих на превращение этой доктрины в набор принципов, интерпретации которых могут меняться в зависимости от настроений политиков, которые их используют.

Применительно к дискуссии о принципе правого дела эта проблема приводит к невозможности должным образом обосновать справедливость выдвинутых предложений. Вероятно, это не представляется существенной

¹ Примером может служить рассуждение Н. Фоушина относительно «очевидной ясности» универсальности некоторых принципов, таких как «не убий» или «не вреди другому», и необходимости отказаться от попытки объяснить их универсальный статус. [10, pp. 1-8].

проблемой в случае, когда речь заходит о борьбе с терроризмом. Террористическая деятельность общественно порицаема и почти никогда не находит общественной поддержки, поэтому теоретикам справедливой войны не составляет труда назвать войну против терроризма обоснованной. Но справедливость войны в случаях гуманитарной интервенции или вмешательства в гражданскую войну требует куда более сильной аргументации.

Заключение

Несмотря на декларируемую работу по «гуманизации» войн и ограничению применения насилия для решения политических кризисов, современные этические концепции войны, и теория справедливой войны в частности, парадоксальным образом расширяют список оснований, в соответствии с которыми допустимым оказывается применение вооружённых сил. В частности, справедливой причиной начала войны, соответствующей принципу правого дела, становится гуманитарная интервенция, изменение политического режима или вторжение в гражданскую войну.

Для обоснования подобных *casus belli* теория справедливой войны нуждается в мощной этической теории, на которую она могла бы опереться. Однако большинство теоретиков справедливой войны считает, что оправдание войны может быть дано указанием на очевидность необходимости применения силы в данной ситуации. Исключением можно назвать проект Орэнда по привлечению кантианской моральной и политической философии. Но Кант используется в концепции канадского философа скорее в качестве отправной точки, и его этика не находит у Орэнда широкого применения.

Проблему представляют собой также и универсальность предлагаемых теоретиками справедливой войны принципов и ценностей. Сторонники концепции *bellum justum* апеллируют к риторике общего дела, борьбы за интересы всего человечества. Но тирания ценностей приводит, как заметил К. Шмитт, к террору их непосредствен-

ного и автоматического исполнения [14]. В высшей степени это опасно, когда речь идёт о ценностях, служащих делу морального оправдания применения силы, когда введение новых нравственно приемлемых оснований войны приводит не к ограничению войн, а к совершенно противоположным последствиям.

Литература

1. *Августин Аврелий*. О граде Божием / Его же. Творения. Т. 4. — СПб.: Алетейя, Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. — 592 с.
2. *Апресян Р.Г.* Jus Talionis в трактате Гуго Гроция "О праве войны и мира" // Этическая мысль. Вып. 3. — М.: ИФ РАН, 2002. С. 139-165.
3. *Гроций Г.* О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. — М.: Ладомир, 1994. — 868 с.
4. *Иванова Ю.В.* Ad marginem socialitatis: логика войны Франсиско де Витория // Артикульт. 2014. № 13(1). С. 10-25.
5. *Мор Т.* Утопия. — М.: Наука, 1978. — 414 с.
6. *Уолцер М.* Смена режима и справедливая война // Пер. с англ. Куманьков А.Д. / Военно-юридический журнал. 2013. № 7. С. 26-32.
7. *Фома Аквинский*. Сумма теологии // Часть II-II. Вопросы 1-46. — К.: Ника-Центр, 2011. — 576 с.
8. *Augustine Aurelius*. Contra Faustum. Available at: URL <http://gnosis.org/library/conf1.htm>
9. *Christopher P.* The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. — Prentice Hall. 1999.
10. *Fotion N.* War and Ethics: A New Just War Theory. — New York: Continuum, 2007.
11. *Mill J.S.* A Few Words on Non-Intervention, No. 8 Foreign Policy Perspectives. 1988 pp. 1-6.
12. *Orend B.* The Morality of War. — Broadview Press, 2006.
13. *Pattison J.* Whose Responsibility to Protect? The Duties of Humanitarian Intervention // Journal of Military Ethics vol 7 (2008) No 4. — pp. 262-283.
14. *Schmitt C.* The Tyranny of Values. — Washington, D.C.: Plutarch Press. 1996.
15. *Vitoria F.* The Second Relectio of the Reverend Father, Brother Franciscus de Victoria on the Indians and on the Law of War Made by the Spaniards on the Barbarians. Available at: URL https://en.wikisource.org/wiki/De_Indis_De_Jure_Belli/Part_3

16. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. New York: Basic Books. 2015.
17. Walzer M. The Argument about Humanitarian Intervention // Dissent, Winter (2002). — pp 29-37.

Аннотация: В статье рассматривается понятие «принцип правого дела» и различные его интерпретации в теории справедливой войны. Исследуется генеалогия принципа правого дела в христианской и современной теории справедливой войны. Сопоставляются идеи Августина, Аквината, Витория и Гроция для того, чтобы показать, каким образом применение силы обосновывалось в различные периоды. Далее определяются случаи, когда, с точки зрения современной теории справедливой войны, применение вооружённой силы может считаться допустимым. В заключении даётся критика моральной аргументации расширения принципа правого дела, предложенная теоретиками справедливой войны нашего времени.

Сведения об авторе: Куманьков Арсений Дмитриевич, кандидат философских наук преподаватель школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Содержание

Глава I Понятие войны в историко-философской ретроспективе	5
Кудряшова В. К. Концепция справедливой войны в политической философии Канта.....	5
Никитина С. В. Нравственное оправдание войны В. С. Соловьёвым и Ф. М. Достоевским	17
Мефтахудинов К. П. Честь государя — вопрос войны и мира в русско-шведских отношениях XVI в.	32
Мурзаева А. А. Гуго Гроций как теоретик нидерландских экспансий первой половины XVII века	55
Устьянцев Р. А. Понятие войны в “Левиафане” Т. Гоббса.....	67
Сидорова М. А. Вопросы войны и революции в философии политического Х. Арендт	87
Глава II Философия войны в XXI в. — проблемы и перспективы исследования	109
Михеев В. Ю. Причины современных конфликтов и методы их урегулирования в концепциях М. Калдор и С. Хантингтона.....	109
Любимов С. Е. Теория справедливой войны Джона Ролза в контексте его общей теории справедливости: проблемы и перспективы применения	129
Куманьков А. Д. Принцип правого дела и «новые» войны .	153
Кашников Б. Н. Война как массовый протест	177